

2.

ТЕАТР оперы и балета «Эстония» открыл сезон премьерой «Отелло» Верди. Это, может быть, имело особый смысл. Ведь мир отмечает ныне 150 лет со дня рождения великого итальянского композитора.

«Отелло» Верди — шедевр оперного творчества — требует от исполнителей высокого вокального и сценического мастерства. Особенно трудны и благодарны для певцов партии Отелло и Яго, написанные композитором с мелодической щедростью, высокой драматической выразительностью, психологической подтопой. От первых тактов увертюры до последнего вздоха умирающего Отелло все подчинено единому замыслу — раскрытию тончайших оттенков большой человеческой трагедии.

В этот вечер опера шла с воодушевлением. За пультом стоял Неэме Ярви. Он уверенно и увлеченно вел спектакль с его трудной и сложной партитурой. Неэме Ярви — совсем молодой дирижер, но уже поражают его высокая артистичность, умение владеть оркестром и целой, тонкое понимание природы и стили музыки.

Слаженно и точно звучал оркестр, на высоте был хор и выразительно пели солисты. Особый интерес вызывало исполнение партии Яго Георгом Отсом. Мы видели многих Яго и в драме, я в опере, и даже в балете. Были эти Яго демоничными, саркастичными, предельно коварными. Но Яго Отса был неожиданный. Очень простой, без всякой рисовки, без какого-либо внешнего намека на злодейство. Чем-то он даже напоминал простого мужичка, вернее, рыбака, или самое большее — инжнера. Во всяком случае он был совершенно земным, без всякой таинственности. О нем никак не скажешь словами Блока — «изнутри сватится темным светом». Яго представлялся Отсу не только лондонским ладом эпохи, но и человеком, который может жить среди нас, глубоко прятая в сердце ненависть, жестокую изобретательность, злобу. Может быть, кто-нибудь не согласится с подобной трактовкой, но бесспорно одно — образ был вполне законченным и очень убедительным.

В партии Отелло экспромтом выступил солист Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова В. Волков. Молодой певец пел темпераментно и выразительно, с большим внутренним подъемом. Дуэт Отелло и Дездемоны (арт. Лилия Панова) был наполнен дыханием любви и поэзии. Под стать этим

Окончание. Начало см. «Советскую культуру» от 22 октября.

трем исполнителям складывался и остальной ансамбль. Интересна работа художника Эльдара Рентера, создавшего единую архитектурную установку, своими красками, цветом вполне отвечающую духу музыки. От музыки и за музыкой шел режиссер Пауль Мяги.

В спектакле «Кармен» пели молодые певцы, выученики Таллинской консерватории: Хендрик Крумм — Хозе, Урве Таутс — Кармен, Ильварт Орав — Эскамильо. У Хендрика Крумма звучный, красивый по тембру голос и совсем молодые годы. Значит, все впереди. Артистичность и темперамент отличают игру Урве Таутс. Но низкие, грудные ноты не в палибре ее красивого и овеятого голоса. Будущее покажет, как окончательно сформируется ее «амплуа».

Ставил спектакль Удо Вяльяоте. Воспитанник замечательного эстонского театра «Ванемуйне», Удо Вяльяоте умело, с тонким чувством пластичности скомпоновал хоровые сцены и динамично поставил четвертый акт. Но главная нагрузка в этом спектакле, впрочем, как и всегда в опере, пала на дирижера. У пульта опять Неэме Ярви. И снова оркестр звучал в полную силу своих возможностей. О том, какую предварительную напряженную работу провел над этим спектаклем дирижер, свидетельствовала выразительность интонаций, четкость фразировок, четкость и стройность хотя бы такого сложного ансамбля, как квинтет второго акта. Душой спектакля, конечно, был талантливый дирижер.

Но вместе с тем обе эти постановки, как и многое другое, что пришлось нам увидеть и услышать на сцене театра «Эстония», говорят о том, какие сложные задачи стоят сейчас перед руководством театра. Первая — репертуар! И здесь не все благополучно. В течение всего первого месяца нового сезона на сцене «Эстонии» ни разу не прозвучала ни одна национальная опера, а частности «Лембиту» Виллема Канпа (в этом спектакле, поставленном в сезон 1961—1962 гг., участвовали такие замечательные певцы, как Тийт Куувик и Георг Отс). Но, странное дело, национальные оперы не только сохраняются в репертуаре театра. Не потому ли ослабился интерес к этому важному жанру и у композиторов? Очевидно, нет должных доверительных отношений между театром и эстонскими авторами. Между тем в Эстонии накоплен значительный оперный репертуар, который в свое время имел бесспорный успех, снискал доброе отношение широкой музыкальной общественности и критики. Эти оперы не потеряли своего значения и сегодня. Но все-таки они сейчас забыты. А на сцене парственно пребывают «Богема», «Тра-

виата», с которыми еще спорит оперетта «Песня пустыни». Вообще в репертуаре театра значительное место занимает оперетта. Причем отнюдь не классика, и не произведения национальных авторов (мы помним удачную постановку «Румму Юри»), а, так сказать, импортное творчество вроде оперетты Ромберга «Песня пустыни». Нанисана эта оперетта еще в 1927 году; в какой-то мере она пыталась откликнуться на героическое восстание риффских племен в Африке против испанских и французских колонизаторов. Эта война за независимость (1921—1925 гг.) полна драматических эпизодов, ожесточенных сражений и невероятных страданий народа и вряд ли может служить канвой для развлекательного опереточного представления, особенно, когда «героем» воссталли показан французский офицер, сын губернатора. Но как бы там ни было, оперетта приютилась на сцене театра «Эстония». Каким-то «опрятанием» этому может служить только мастерство Георга Отса как режиссера и актера. Он создает интересный «двойственный» образ (герой то принимает волевым, решительным обликом предводителя арабов, то представляется таким папешкинским спиком, фохлей и протостифлей). Зритель любит Георга Отса, и поэтому спектакль всегда проходит с аншлагом. Таким вниманием зрителей не может похвалиться оперетта-водевиль «Божественная комедия». В зале пусто, на сцене скучно, хотя многие артисты стараются изо всех сил. Музыка М. Табачникова достаточно бесцветна, лишена колоритности, сатирической окраски, пронических интонаций. Шутливый, ироничный текст И. Штока, построенный на контрасте торжественной патетики библейской темы и прозаизмов современной речи, конечно, требовал иной музыкальной окраски. Композитор просто не сообразовался с текстом пьесы, созданной как комедия для кукольного театра, затем приспособленной для драматического театра и, наконец, для опереточного представления. Правда, и самом спектакле привлекали остротные диалоги, стремление к комедийной остроте и легкости. Но все-таки под конец ощущалась общая заплывчатость пьесы, повторение приемов.

Спектакль не имеет успеха. И делом!

Третья оперетта называется «Удивительное приключение мухуцев». В основу сюжета положена повесть Ю. Смуула. Но жанр — это ревью, музыкальное обозрение, провизанное народным юмором, чуть соловатым, чуть грубоватым.

Как известно, Эстония — страна народных певцов. Хоровое пение здесь достигло большой культуры и пользуется всеобщей любовью и поддержкой. На певческие праздники, устраиваемые в Таллине, нередко собирается свыше 30 тысяч певцов, объединенных в единый мощный хор. Сейчас для них построена чудесная хоровая эстрада в центре обширного певческого поля.

Но пьеса не об этом. В ней рассказывается, как на один из таких певческих праздников ехала большая группа колхозников с острова Муху, весьма своеобразного по своему быту; как их встретили в Таллине и как некоторые из них попали не туда, куда ехали, что из

этого вышло, и как все потом образовалось. В ней много доброй усмешки, своеобразной лексики, народных сентенций, местами трудно переводимых. Но было, наконец, приятно видеть и слышать на сцене «Эстонии» самобытное произведение. Инсценировка свойственны известные недостатки. Фактически сценическое действие возникает в нем не сразу.

Режиссер Сулев Ныммик несколько затянул ритм и слишком снисходительно отнесся к диалогическим длинностям. Но с того момента, когда мухуцы прибывают в Таллин, начинаются любопытные приключения героев. Отлично по замыслу, сатирически заостренно поставлена сцена на улице Выру, где находятся модные магазины и где происходят удивительные превращения с манекенами на витринах, которые вдруг становятся живыми стилистами. Стилиги-манекены пляшут, поют и разговаривают с живыми мухуцами, правда, на весьма странном диалекте деклассированной городской шпаны. В результате некоторые из «островитян» остаются в дураках. В этих картинах отлично видны четкие и с большой выдумкой проведенные мизансценировки. В картине «На Выру» сцена заполнена непрерывно нарастающим движением поющих, танцующих фигур. Все это в какой-то момент воспринимается как некоторая пародия на Вальпургиеву ночь.

Но после всех ночных приключений и превращений наступает день.

Итак, мы слушали классические оперы, три оперетты, а также просмотрели три одноактных балета поставленных на музыку Рахманинова, Стравинского и Эйно Тамберга. Хореография балетов оказалась несвободной от экспрессионизма и даже абстракционизма (речь об этом стоит поведи особо в контексте всей проблемы балетного искусства на сцене театра «Эстония»).

Надо честно признать, что перед театром еще недавно стояла реальная опасность утраты своего значения как культурного центра такой музыкальной республики, как Эстонская ССР, центра, где должна создаваться национальная опера и происходить взаимное обогащение музыкальных культур народов СССР.

Но сейчас условия изменились. В театр пришел полный энергии, молодой, высокодаренный художник-музыкант Неэме Ярви. В театре налицо опытная режиссура и талантливые певцы. Дело за продуманным, принципиально отобранным репертуаром. Эстония — страна певцов, и эстонский оперный театр должен быть на высоте своих возможностей и задач.

В. ЗАЛЕСКИЙ.